

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Иеродиакон Никон (Муртазов). Автобиография

Дядя Ваня Дроботов вел машину, и когда стали подниматься из оврага вверх на прямую дорогу, у машины отказали тормоза, и она сама поехала вниз. Шофер и мама выскочили из кабины, а машина сама остановилась у самой кромки оврага. Еще немного, и я полетел бы вместе с машиной вниз.

Полгода назад на 83-м году жизни почил о Господе мой родной брат схиархимандрит Тихон (Муртазов), духовник Псковского Снетогорского женского монастыря, а здесь подошел и мой юбилей, восьмидесятилетие со дня рождения.

Ничего особенного в этом нет, и он прошел бы незаметно для меня и для всех близких мне людей, если бы не вопросы Сергея Романова, главного редактора газеты «Вечный зов», которую я полюбил за многие годы сотрудничества, как читатель и автор кратких рассказов, простых и полезных для души.

Я полюбил эту народную газету за ее разностороннюю тематику в жизненно важных вопросах и ответах истории нашей страны и православной церкви. Такой газеты я раньше не встречал, и она полюбилась нашим читателям.

Сергей Романов попросил меня рассказать кратко о себе в этот юбилейный для меня год. Заранее прошу простить меня, читая мои автобиографические заметки, за тщеславие и нескромность мою на страницах газеты «Вечный зов».

Заранее благодарю Сергея Романова, главного редактора газеты, и читателей, за снисхождение к моим немощам.

Родился я в Татарстане в 1939 г. в семье простого сельского труженика Муртазова Ивана Федоровича, накануне Великой Отечественной войны. Мне было два года, когда ушел на фронт отец и не вернулся. Он погиб, защищая Родину. Мама осталась одна с тремя малолетними детьми. Она мужественно приняла тяжелый крест на свои плечи. Работала заготовителем продуктов для фронта, завхозом в больнице и лесником.

С самых пеленок я был болезненным ребенком, кричал, весь краснел, осталось только умереть. Но бабушка меня спасла. Она положила на меня молебную скатерть, и я затих. Молебные скатерти были в каждом православном доме, и хранились они на божнице. Когда совершался в праздник водосвятный молебен, в каждый дом заходил батюшка с чашей святой воды. Чаша ставилась на молебную скатерть, произносилась краткая ектеня о здравии, и весь дом окроплялся святой водой. Потом шли к следующему дому. Народ был верующий, и так совершалось каждый раз.

Когда я немного подрос и стал ходить, то однажды выполз из подворотни на дорогу, и уснул, а по дороге ехал дед на маслозавод с бидонами молока. Его телега колесом переехала мне ногу. Так пришли мои первые испытания жизни.

Война лишила нас не только продуктов, но и одежды. Я простыл и заболел туберкулезом легких, а потом и костей. Детский сад, школа, игры ребят на улице, а я стоял в стороне, грустно наблюдая картину. Мама повезла меня на лечение в Казань.

Недалеко от нашего села находится деревня Шахмайкино. Около нее находится глубокий овраг, который так и называется Шахмайский овраг, овейанный легендами случайных разбойничьих нападений на путников в ночное время. Только небольшая насыпь позволяет машинам ходить в город Чистополь. Этой дорогой мне суждено было ехать в Казань на лечение. Дядя Ваня Дроботов вел машину, и когда стали подниматься из оврага наверх на прямую дорогу, у машины отказали тормоза, и она сама поехала вниз. Шофер и мама выскочили из кабины, а машина сама остановилась у самой кромки оврага. Еще немного, и я полетел бы вместе с машиной вниз. Незримая небесная рука сотворила чудо. Об этом я ничего не знал и услышал только от мамы.

В Казани меня поместили на лечение в противотуберкулезный санаторий. Лечение было такое: строгий постельный режим, хорошее четырехразовое питание, свежий воздух, утренняя гимнастика в постели, витаминотерапия, тихий час. Всем давали пить рыбий жир. Воспитательская работа вечером и заочная учеба днем. Я пролежал там пять лет, ни разу не вставая ногами на пол. Сначала мне было тяжело привыкать к такому режиму. Я был ребенком и деваться мне было некуда, мы все привыкли к санаторной жизни. А привычка вторая натура. Мама мне подарила свой музыкальный слух и голос. Я много пел, запоминая песни, играл на гармонии.

Но пришло время выписки из санатория. Мама спросила главного врача Василия Ивановича Каварина: «А сколько он может прожить с этой болезнью?» Тогда мне было 16 лет. Он ответил: «Если не будет жениться, пить вино и курить, то 35 лет проживет». Этот срок я благополучно прожил и пережил.

По выписке из санатория, дали мне в руки костыли и мама увезла меня домой в Чистополь.

Продав дом в селе, она купила полдома в Чистополе и жила с двумя сестрами бывшего Чистопольского монастыря как одна семья. В праздничные дни все шли в церковь. Анна Михайловна пела на клиросе, у нее был красивый голос. А Феодосия Павловна после службы убирала храм. Она была старше Анны Михайловны, но жизненная скорбь породнила их. Жили они бедно. Занимались шитьем ватных одеял, и мама помогала им в этом. Питание было скудное, по воскресеньям на обед, если не было поста, они добавляли в суп куриное яйцо и всегда были всем довольны, благодарили Бога. За шитьем одеял они вечером тихо пели духовные канты, и я подпевал им или читал душеполезную книгу. Тогда же я начал писать иконы, копировать их. Мне в этом деле помогла монастырская сестра иконописец Елена Степановна Мозохина. Научила, как писать масляными красками. Один добрый церковный прихожанин Николай Сергеевич Рузанов приносил мне для икон доски, а другая верующая прихожанка покупала у меня иконы со своей маленькой пенсии и бесплатно дарила односельчанам в совхозе, где она работала на парниках.

Расскажу кратко о схимонахине Онуфрии из Одессы. Невысокая ростом, худенькая, в темных очках, прожила она на белом свете больше ста лет. Ее знал мой брат ¹. Она получила от Бога дар видеть человека и его грехи. Когда в Одессу приезжал отдыхать Святейший Патриарх Алексей, он всегда приглашал ее для беседы. И вот однажды, когда я уже жил в Пюхтице, я узнал, что по какому-то случаю она приехала к нам. Ее поселили в маленькой келье, и мой брат попросил меня сходить к ней. Мне хотелось узнать ее мнение. Она

приветливо меня встретила, дала несколько духовных советов, и в конце сказала: «55 лет проживешь». Я обрадовался – у меня был запас годов — и, поблагодарив, сказал об этом брату. Он лучше меня ее знал. Так шли годы.

В 1992 году наша мама заболела онкологической болезнью. Батюшка пособоровал ее, сугубо помолился о ней. Она увидела сон, в котором ей был показан домик без окон и дверей. «Это дом твой», — был голос. Она все поняла. «А как же Борис, он же больной с детства, кому он будет нужен?» «А он умрет через год», — был ответ невидимки. Мама проснулась и сказала мне: «Борис, тебе надо готовиться, через год ты также умрешь». Я немного расстроился, а потом вспомнил слова схимонахини Онуфрии, что проживу 55 лет. Так это будет как раз через год, в 1994 году. Проводив маму на кладбище, я стал думать о приготовлении. Стал чаще исповедоваться, причащаться. В это время к нам приехал Холин Анатолий Михайлович из Татарстана, председатель колхоза, и попросил меня написать иконы для домово́й церкви, которую он построил для пожилых односельчан. Я согласился и выполнил заказ.

В роковом для себя году я лежал на маминой кровати, и увидел себя во сне в комнате среди белых стен без окон и без дверей. «Где я нахожусь?» — подумал я. И в это время покойная мама явилась мне, как бы выплыла слева, и сказала: «За тебя молится Филипп Дмитриевич», — и исчезла. Я проснулся и стал вспоминать Филиппа Дмитриевича, бывшего псаломщика нашей сельской церкви, который в 20-е годы был арестован за религиозную пропаганду и расстрелян в ноябре 1929 года в Казани. Об этом писали в газете. Когда я был в Пюхтицком монастыре, у меня была язва двенадцатиперстной кишки. Три раза она кровоточила, меня увозили в больницу. Врач сказал, что язва большая и меня нужно будет оперировать. Но через год Эстония отделилась от России, и я оказался во власти псковских врачей. Именно в это время я увидел этот сон. С этого времени я стал здоровым, начал все есть, и вот уже 28 лет у меня нет никакой язвы — я исцелился.

Вскоре я поступил учиться в Московский заочный народный университет искусств им. Н.К. Крупской, который окончил, получив диплом преподавателя рисования.

Мой брат Александр закончил Саратовскую духовную семинарию и, получив сан священника, два года прослужил на приходе в небольшом городке на Каме, потом поступил в Московскую духовную академию, которую окончил с отличием, и был приглашен митрополитом Алексием Ридигером на службу в Эстонию в Пюхтицкий женский монастырь, в помощь протоиерею Петру Серегину.

В Пюхтице брат прослужил 27 лет. Там же принял монашество из рук Святейшего Патриарха Алексия. Чистопольские сестры Анна Михайловна и Феодосия Павловна одна за другой мирно почили, и мы с мамой, продав домик, уехали в Печоры Псковские, где по ходатайству батюшки о. Александра печорский благочинный помог нам купить небольшой домик недалеко от монастыря.

Несколько лет я нес послушание на клиросе. Моим духовным отцом был схиигумен Савва (Остапенко). Потом все мы втроем с мамой стали жить в Пюхтице. Я получил сан диакона, служил и учился заочно в Московской духовной семинарии. Писал и реставрировал иконы. Мною были написаны в разное время несколько иконостасов.

В 1991 году, когда Эстония отделилась от России, мы с братом и мамой переехали жить в свой печорский домик, стали вместе служить в Варваринском храме, помогая настоятелю о. Евгению.

Потом митрополит Псковский Евсевий попросил батюшку принять Снетогорский женский монастырь, и брат стал духовником этого монастыря. Я продолжал служить, пока не получил приглашение игумении Георгии, настоятельницы Горнего женского монастыря в Иерусалиме в начале 1999 года посетить эту землю. Там я так же служил, пел, занимался реставрацией икон. Там же, в Хевроне, по благословлению Святейшего Патриарха Алексия принял монашеский постриг с именем Никон. Целый год я жил, молился, трудился в Иерусалиме. Это неоценимое и незабываемое для меня время — подарок Неба грешной душе.

После Иерусалима у меня нашли катаракту глаз. Покойная мама явилась во сне настоятельнице Санкт-Петербургского Иоанновского монастыря игумении Серафиме и попросила ее помочь мне в лечении. Матушка с любовью отозвалась на просьбу мамы.

Когда я поехал из Печор в Санкт-Петербург на операцию глаз, то решил заехать в часовню Ксении блаженной, а заодно приложиться к иконам, которые я писал в Пюхтице, и посмотреть, в каком состоянии они находятся. Часовня была открыта, там шел молебен. Я решил приложиться к иконам, пролез под шнурок, но батюшка, увидев меня, сделал мне замечание, что входить нельзя. Я извинился и сказал: «Я только хотел посмотреть, в каком состоянии мои иконы». Он все понял, снял с гробницы блаженной Ксении три гвоздики и вручил мне подарок от блаженной Ксении.

В Санкт-Петербурге опытный хирург сделал операцию на глазах, после чего я так и остался здесь, в обители святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Имею церковную награду – медаль преподобного Сергия Радонежского 3-ей степени.

Иеродиакон Никон

¹ Брат иеродиакона Никона — архимандрит Гермоген (Муртазов), в схиме — Тихон (1935 — 2018).

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27